

© 2011 г.

Д.В. ЛИХАРЕВ

ЧЕРЧИЛЛЬ И СУДЬБА ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА ЛЕТОМ 1940 года

Летом 1940 г. в истории Второй мировой войны произошел драматический эпизод: Англия и Франция, недавние союзники по антигитлеровской коалиции, повернули оружие друг против друга. Две недели спустя после капитуляции Третьей Французской Республики британцы нанесли удар по французскому военному флоту, чтобы он не стал трофеем Германии или Италии. 3 июля 1940 г. в Портсмуте, Плимуте и других портах Англии были насильственно захвачены французские суда, при этом в ряде случаев были человеческие жертвы. Одновременно британский флот и морская авиация нанесли удары по французским боевым кораблям, находившимся в портах французских владений в Северной Африке. Наиболее драматические события имели место в Оране, где после долгих и изнурительных переговоров английская эскадра под командованием адмирала Д. Сомервилла расстреляла крупное соединение французского флота, в результате чего погибли свыше 1 500 матросов и офицеров.

В военной истории эти события известны как операция “Катапульта”, главным инициатором которой был британский премьер У. Черчилль; они вошли в биографию “британского льва”. В советской и российской историографии мероприятия британских военно-морских сил против французского флота вообще замалчивались или описывались крайне лаконично, хотя при этом и высказывались противоположные мнения.

В биографии Черчилля, принадлежавшей перу В.Г. Трухановского, об этих событиях не говорится¹. Авторы официальной 12-томной советской “Истории второй мировой войны” характеризовали операцию “Катапульта” как оправданную превентивную меру, имевшую сугубо военный характер, поскольку в дальнейшем существовала реальная опасность захвата Германией французского флота и использования его против Англии². Отечественный биограф Черчилля А.И. Уткин, напротив, считал разгром французского военного флота акцией исключительно политического характера, главной целью которой было продемонстрировать всему миру “серьезность намерений” Англии вести войну до победного конца³.

Англоязычная историография событий 3-4 июля 1940 г. обширна. Однако в их освещении английскими и американскими историками присутствует односторонность. Главное внимание, как правило, уделяется операции в Оране. При этом почти ничего не говорится об Александрии, где находилась вторая по величине эскадра французского флота. Американский историк А. Мардер, половину своей монографии посвятивший Орану, событиям в Александрии уделил едва ли три страницы⁴.

Лихарев Дмитрий Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторического образования Дальневосточного федерального университета.

¹ *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М., 1968.

² История второй мировой войны. 1939–1945, в 12-ти т. М., 1973–1982, т. 3, с. 112–115.

³ *Уткин А.И.* Черчилль: победитель двух войн. М., 1999, с. 344–345.

⁴ *Marder A.J.* From Dardanelles to Oran. Studies of the Royal Navy in War and Peace. 1915–1940. London, 1974.

Примерно так же обстоит дело с классической биографией Черчилля, вышедшей в Англии в 1966–1988 гг.⁵ Она насчитывает 8 томов по свыше 1000 страниц. Каждый том имеет по 2–3 “сопроводительных тома” документов. Биографов Черчилля М. Гилберта и Р. Черчилля нельзя упрекнуть в неакадемичности или незнании мельчайших деталей биографии самого известного британского политика XX в. Однако событиям 3–4 июля 1940 г. они посвятили главу, в которой ни разу не упомянуто имя адмирала Э. Каннингхэма, осуществлявшего операцию в Александрии. Говорится только, что там также находилась крупная французская эскадра. Что с ней произошло и куда она потом делась, читатель не узнает.

Долгое время практически единственным опубликованным источником, содержащим более или менее подробную информацию о событиях в Александрии, были мемуары Каннингхэма⁶. Положение дел изменилось в 1990-е годы с появлением двух биографий адмирала⁷. Однако гораздо более значимой для изучения операции “Катапульта” стала публикация двух сборников документов: “Архив Сомервилла”⁸ и “Архив Каннингхэма”⁹, содержавших официальную и личную переписку двух адмиралов, в частности тексты радиogramм, которыми они обменивались с Адмиралтейством в ходе операции “Катапульта”. Эти источники позволяют реконструировать события, одновременно происходившие в Ороне и в Александрии 3 июля 1940 г.

Введение в научный оборот новых документов, а также дискуссионность изучаемой проблемы, побудили автора предпринять сравнительно-историческое исследование судьбы французского военного флота в Ороне и Александрии, цель которого – восполнить досадный пробел, сохраняющийся в отечественной историографии Второй мировой войны.

Капитуляция Франции 22 июня 1940 г. поставила много проблем перед ее главной союзницей – Великобританией. Одним из наиболее серьезных был вопрос о дальнейшей судьбе французского военного флота. Франция вступила во Вторую мировую войну, располагая современными и эффективными военно-морскими силами, безоговорочно занимавшими четвертое место в мире; поражение Третьей Республики практически не отразилось на их боеспособности. К лету 1940 г. французы располагали пятью старыми линкорами 1913–1916 гг. постройки, водоизмещением по 22 000 т. Три из них (“Бретань”, “Прованс” и “Лорэйн”) в 1932–1935 гг. прошли основательную модернизацию. Далее шли “Дюнкерк” и “Страсбург” – два новейших линейных крейсера, по 26 тыс. т. водоизмещением, вошедших в состав флота в 1937–1938 гг. Они имели впечатляющие тактико-технические данные: скорость хода свыше 30 узлов; артиллерия главного калибра – восемь 330 мм пушек, размещенных в двух четырехорудийных башнях. Эти орудия стреляли 550 кг снарядами на расстояние до 42 км, а с дистанции 28 км уверенно пробивали 300 мм броню. По своей боевой мощи “Дюнкерк” и “Страсбург” были, как минимум, равны современным им германским линейным крейсерам “Шарнхорст” и “Гнейзенау”.

К лету 1940 г. были близки к завершению два “полноценных” линкора – “Ришелье” и “Жан Бар”, – представлявшие собой увеличенный прототип “Дюнкерка”. Их водоизмещение возросло до 35 тыс. т., а главный калибр артиллерии – до 380 мм. Кроме перечисленных “капитальных кораблей”, в состав французского флота входили 2 авианосца, 7 тяжелых и 11 легких крейсеров, 56 лидеров и эсминцев, свыше 70 подводных лодок¹⁰. Почти все эти корабли, за исключением пяти старых линкоров, представляли собой новейшие боевые единицы, вошедшие в состав флота на протяжении послед-

⁵ Churchill R., Gilbert M. Winston Spencer Churchill (1874–1965), 8 v. London, 1966–1988.

⁶ Cunningham A.B. A Sailor's Odyssey. London, 1953.

⁷ Ollard R. Fisher and Cunningham: A Study of the Personalities of the Churchill Era. London, 1991; Winton J. Cunningham: the Greatest Admiral since Nelson. London, 1998.

⁸ The Someville Papers. London, 1995.

⁹ The Cunnigham Papers. V. 1. The Mediterranean Fleet. 1939–1942. London, 1999.

¹⁰ Marder A.J. Op. cit., p. 180.

него предвоенного десятилетия и не уступавшие лучшим зарубежным аналогам. Они были укомплектованы отлично обученными экипажами, матросский и старшинский контингент которых на 80% состоял из профессионалов-контрактников. Командующий флотом адмирал Ж.-Ф. Дарлан, по праву считавшийся одним из главных творцов французской морской мощи межвоенного времени, продолжал сохранять полный контроль над всеми судами.

Англичан крайне беспокоила возможность, в случае поражения Франции, раздела французского флота между державами-победительницами – Германией и Италией. 13 июня 1940 г. во время англо-французского совещания на уровне глав правительства и министров в Туре Черчилль поставил этот вопрос. “Касаясь перспективы перемирия между французами и немцами, – писал позднее в своих мемуарах Ш. де Голль, – которая, как я полагал, приведет его в негодование, Черчилль, напротив, выразил по этому поводу сочувственное понимание. Но, перейдя к вопросу о военно-морском флоте, он неожиданно проявил исключительную требовательность и стремление к полной ясности. Нет никаких сомнений в том, что английское правительство до такой степени боялось передачи французского флота в руки немцев, что оно было склонно, пока еще не поздно, освободить нас от условий, вытекавших из соглашений от 28 марта (1940 г. – *Д.Л.*), лишь бы получить гарантии относительно судьбы наших кораблей. Фактически, именно такой вывод напрашивался из этого ужасного совещания”¹¹.

В ходе этого, ставшего последним, официального визита во Францию британский премьер имел личную беседу с французским командующим военно-морскими силами. Черчилль отвел Дарлана в сторону и спросил: “Адмирал, что вы собираетесь делать с флотом? Надеюсь, вы никогда не сдадите его”! “Об этом не может быть и речи, – с нажимом ответил Дарлан. – Это противоречило бы нашим морским традициям и нашей чести. В случае опасности будет отдан приказ о его затоплении”¹².

Несмотря на неоднократные заявления Дарлана о том, что даже если Франция потерпит поражение на суше, он уведет свой флот и будет продолжать борьбу и, если нужно, “поставит свои корабли под британский флаг”, через три дня после встречи в Туре Дарлан принял предложение войти в правительство А.Ф. Пэтена в качестве военно-морского министра. Вечером 16 июня Э. Эррио спросил Дарлана, не собирается ли он отбыть с правительством в Северную Африку. “Нет, – ответил Дарлан, – правительства, которые уезжают, никогда не возвращаются”. “Этот адмирал знал, как надо выплывать”, – прокомментировал Эррио слова Дарлана¹³.

Французское военно-морское командование издало приказ, чтобы ни один исправный боевой корабль не попал в руки противника. В течение 18 и 19 июня 1940 г. все военные суда покинули бискайские порты Франции и отбыли во французские владения в Северной Африке. Поврежденные корабли, малые патрульные и вспомогательные суда были затоплены.

Известие о решении Дарлана войти в правительство Пэтена вызвало неподдельное возмущение Черчилля: “Сколь тщетны эгоистические расчеты человека! – отмечал впоследствии бывший британский премьер. – Адмиралу Дарлану стоило отплыть на любом из своих кораблей в любой порт за пределами Франции, чтобы стать хозяином всех французских владений, находящихся вне германского контроля. Он не оказался бы подобно генералу де Голлю обладателем лишь непобедимого сердца, окруженным всего небольшим числом близких ему по духу людей. Он увел бы с собой за пределы досягаемости немцев четвертый в мире по значению военно-морской флот, офицеры и матросы которого были лично преданы ему. Поступив так, Дарлан стал бы во главе французского движения Сопротивления, имея мощное орудие в своих руках. Английские и американские доки и арсеналы находились бы в его распоряжении для поддерж-

¹¹ Голль Ш. *de*. Военные мемуары. М., 2003, т. 1, с. 89.

¹² *Benoist-Mechin J.* Soixante jours qui ebranlent d'occident. 10 mai – 10 juillet 1940. Paris, 1956, v. 2, p. 119.

¹³ *Herriot E.* Episodes. 1940–1944. Paris, 1950, p. 64–65, 75.

ки его флота. Французские золотые запасы в США обеспечили бы ему после признания обширные ресурсы. Вся французская империя сплотилась бы вокруг него. Ничто не могло бы помешать ему стать освободителем Франции. Слава и власть, которых он жаждал так страстно, были доступны ему. Вместо этого он пошел по пути, который привел его после двух лет беспокойной и постыдной службы к насильственной смерти, к обесчещенной могиле, имя его стало надолго ненавистным французскому флоту и стране, которой он до этого служил так хорошо”¹⁴.

Современники по-разному интерпретировали мотивы действий Дарлана. Адмирал Б.Б. Скофилд, перед войной служивший помощником британского военно-морского атташе в Париже, утверждал, что Дарлан, как и многие французские военные моряки, в душе оставался англофобом. Он “отчаянно завидовал тому положению, которое занимал в мире Королевский флот”. Он с гордостью рассказывал о “Дюнкерке” и “Страсбурге”, о новейших лидерах эсминцев, и все время спрашивал: “Разве у вас, англичан, есть что-нибудь подобное?”¹⁵ С другой стороны, Дарлан был уверен, что англичане с исключительной подозрительностью относились к росту французской морской мощи и всеми средствами стремились этому воспрепятствовать на морских конференциях в межвоенный период¹⁶.

Скорее всего, Дарлан, как и многие видные вишисты, в июне 1940 г. считал, что после того как Франция выйдет из войны, Англия продержится недолго. И потому он собирався сохранить флот “для себя”, как предмет будущего торга с победителями. Одновременно военный флот оставался для адмирала Дарлана чем-то очень личным, с чем была связана большая часть его жизни. Ш. де Голль писал, “что Дарлан, считающий флот своей собственностью независимо ни от каких соображений национальных интересов страны, не уступит его немцам до тех пор, пока он им командует”¹⁷.

Тем временем Гитлер за три дня до начала германо-французских переговоров о перемирии отправился в Мюнхен, чтобы увидеться с Муссолини и постараться погасить непомерные притязания своего союзника. За свою роль статиста на поле битвы дуче потребовал ни много ни мало Ниццу, Корсику, Тунис, Джибути, Сирию, базы в Алжире, оккупацию итальянцами Франции до самой Роны и выдачу всего французского флота. Однако Гитлер, уже занятый в мыслях следующим этапом войны, сумел доказать дуче, что честолюбивые притязания Италии затянут победу над Англией¹⁸. Проблема заключалась не только в том, что форма и условия перемирия могли бы оказать значительное психологическое воздействие на решимость Англии продолжать борьбу. Гитлер опасался того, что могущественный французский флот, будучи недоступным для него в гаванях Северной Африки, воспримет сверхтяжелые условия как повод перейти на сторону Англии, либо, базируясь в колониях, продолжить борьбу от имени Франции.

“Фюрер подробно разъяснил, в какой огромной степени французский флот усилит Англию, если перейдет в ее распоряжение. В определенных классах кораблей сила английского флота удвоится, а то и утроится, особенно по эсминцам. Принимая во внимание, что конвой под защитой шести эсминцев практически недосыгаем для атак подводных лодок, можно себе представить, какие огромные преимущества извлечет Англия из использования многочисленных французских эсминцев. В связи с этим лучше всего будет достичь соглашения с французским правительством о нейтрализации флота. Эта нейтрализация может быть осуществлена в виде разоружения (кораблей. — Д.Л.) во французских портах под германским или итальянским контролем, а в качестве ответного шага Германия может предложить гарантии, что весь флот будет возвращен Франции после заключения мира”¹⁹.

¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война, в 3-х т. М., 1991, т. 1, с. 404.

¹⁵ Marder A.J. Op. cit, p. 190–191.

¹⁶ Benoist-Mechin J. Op. cit, v. 3, p. 538.

¹⁷ Голль Ш. де. Указ. соч., т. 1, с. 111.

¹⁸ Фест Й. Адольф Гитлер, т. 3. Пермь, 1993, с. 218.

¹⁹ Documents on German Foreign Policy. 1916–1945. Series D. 1937–1945, 13 v. London – Washington, 1949–1964, v. 9, p. 608.

Идеи, высказанные Гитлером относительно французского флота, получили отражение в ст. 8 соглашения о перемирии: “Французский военный флот, за исключением той его части, которую Французскому правительству будет разрешено использовать для защиты французских интересов в колониальной империи, должен собраться в определенных портах, демобилизовать (экипажи. – *Д.Л.*) и разоружить корабли под германским или итальянским контролем. Выбор этих портов определяется местом приписки кораблей в мирное время. Германское правительство торжественно заявляет Французскому правительству, что оно не имеет намерения использовать в своих военных целях французский флот, находящийся в портах под германским контролем, за исключением тех боевых единиц, которые необходимы для прибрежного патрулирования и траления мин. Более того, оно официально подчеркивает, что не имеет намерения претендовать на французский военный флот при заключении мира. За исключением той части французского военного флота, которую еще предстоит определить для представления французских интересов в колониальной империи, все остальные военные корабли, находящиеся за пределами французских территориальных вод, должны быть отозваны во Францию”²⁰.

Французов крайне обеспокоило условие, предусматривавшее возвращение кораблей в порты приписки, поскольку многие из них до войны базировались в Шербуре, Бресте и Лорьяне, ныне находившихся в зоне германской оккупации. Однако в ходе предварительных переговоров германская сторона дала понять, что рассматривает это условие как желательное, но не обязательное²¹. Таким образом, у правительства Виши осталась надежда, что ему удастся держать свои корабли в африканских портах или в Тулоне.

Соглашение о перемирии было подписано 22 июня 1940 г. в 18:30. Через три часа его содержание стало известно правительству Великобритании. Черчилль крайне пессимистически оценил условия перемирия в отношении французского военного флота: “Фактически у нас не было никаких гарантий безопасности. Любой ценой, идя на любой риск, мы так или иначе должны были обеспечить, чтобы флот Франции не попал в ненадлежащие руки и не стал бы затем орудием нашей гибели и гибели других”²².

С 24 по 27 июня 1940 г. Военный кабинет провел несколько заседаний, посвященных исключительно проблеме французского военного флота. Главный аргумент Черчилля был таков: “Присоединение французского флота к германскому и итальянскому флотам, учитывая страшнейшую угрозу со стороны Японии, вырисовывающуюся на горизонте, грозило Англии смертельной опасностью и серьезно затрагивало безопасность Соединенных Штатов”²³. Относительно обеспокоенности со стороны США британский премьер несколько не преувеличивал. За океаном очень внимательно следили за событиями, происходившими в Европе. 24 июня 1940 г. заместитель госсекретаря США С. Уэллес выразил озабоченность французскому послу в Вашингтоне, подчеркнув, что перемирие “со всей очевидностью отдает весь французский флот прямо в руки немцам”²⁴.

В отличие от Гитлера, склонного преувеличивать значение французских эсминцев, Черчилля беспокоили, прежде всего, тяжелые корабли: «В вопросе, столь важном для обеспечения безопасности всей Британской империи, мы не можем себе позволить полагаться только на слово адмирала Дарлана. Как бы благи ни были его намерения, его могут силой заставить сдаться или поставить на его место другого министра, который без колебаний обманет наше доверие. Самым важным для нас является уверенность в двух новейших линейных кораблях – “Ришелье” и “Жан Бар”. Если они попадут в

²⁰ Ibid., p. 673.

²¹ Ibid., p. 665–666.

²² Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 405.

²³ Там же, с. 404.

²⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940, v. 2. Washington, 1957, p. 460.

руки немцев, те смогут выстроить мощную боевую линию, когда линкор “Бисмарк” будет закончен в августе следующего года. Против этих быстроходных и мощных кораблей мы сможем выставить только “Нельсона”, “Роднея” и устаревшие линкоры вроде “Вэлиента”. “Страсбург” и “Дюнкерк”, несомненно, причинят нам громадный вред, если попадут в руки противника, но именно эти два новейших корабля смогут изменить весь ход войны»²⁵.

27 июня 1940 г. на заседании кабинета министров, проходившем с участием первого морского лорда адмирала Д. Паунда и офицеров генерального морского штаба, обсуждались три варианта нейтрализации французского военного флота. Первый: минирование фарватеров североафриканских портов Франции магнитными минами, выставленными с помощью самолётов. Второй: отправка к берегам Северной Африки мощной эскадры, которая предъявит французскому морскому командованию ультиматум: разоружение французских военных кораблей под британским контролем; уход в английские порты; затопление кораблей. Если в течение трех часов ни одно из этих требований не будет выполнено, британской эскадре надлежало уничтожить французские корабли прямо в гавани. Третий вариант: блокирование французских портов в Северной Африке подводными лодками, которые должны были топить любое судно при попытке выйти в открытое море. Черчилль настоял на принятии второго, самого жесткого, варианта.

Нет сомнений в том, что именно британский премьер выступил инициатором проведения операции “Катапульта”. Такое название получили мероприятия по “нейтрализации” французских военных кораблей. Считается, что на принятие этого решения мог бы повлиять первый морской лорд. Однако адмирал Паунд дал Черчиллю уговорить себя. Как многие военные люди, Паунд не обладал развитым политическим чутьем, чтобы оценить возможные последствия таких действий. В его понимании это была необходимая превентивная военная операция. Отбросив последние сомнения, адмирал пришел к простому и понятному решению: лучшее место для французского военного флота – на дне морском.

Что касается Черчилля, то полтора года спустя после описываемых событий он пояснил мотивы своих действий госсекретарю США К. Хэллу: “Люди по всему миру считали, что Великобритания уже готова капитулировать, и он [Черчилль] своими действиями хотел показать, что она намерена сражаться”²⁶. Впоследствии многие биографы Черчилля утверждали, что такое обоснование он выдвинул уже “задним числом”, поскольку мирный вариант нейтрализации французского флота не удался.

27 июня 1940 г. было принято решение о создании соединения “Н” под командованием вице-адмирала Дж. Сомервилла, которому надлежало заполнить “вакуум силы” в западной части Средиземного моря, образовавшийся в связи с выходом из войны Франции. В состав соединения “Н” включили самый большой корабль британского флота – линейный крейсер “Худ”, водоизмещением 42 тыс. т., линкоры “Вэлиент”, “Нельсон” и “Резолюшн”, авианосец “Арк Ройял”, 3 крейсера и 19 эсминцев²⁷. 28 июня 1940 г. Сомервилл и офицеры его штаба поднялись на борт крейсера “Аретьюза” и отбыли в Гибралтар – принять командование над вновь сформированной эскадрой.

Адмирал Паунд сообщил Сомервиллу, что первая операция вверенного ему соединения будет заключаться в том, чтобы обеспечить сдачу, разоружение или затопление французской эскадры в Оране. В этом порту, а точнее в военной гавани Мерс-эль-Кебир, стояла самая большая французская эскадра под командованием вице-адмирала М. Жансуля. В ее состав входили линейные крейсера “Дюнкерк” и “Страсбург”, старые линкоры “Бретань” и “Прованс”, гидроавиатранспорт “Командант Тест”, 6 больших эсминцев, 6 подводных лодок и 23 малых военных судна²⁸. Все они были укомплек-

²⁵ Marder A.J. Op. cit., p. 200.

²⁶ Hull C. Memoirs of Cordell Hull. New York, 1948, v. 1, p. 799.

²⁷ 1 июля 1940 г. “Нельсон” был отозван в метрополию и в операции “Катапульта” участия не принимал. – The Somerville Papers, p. 86.

²⁸ Marder A.J. Op. cit., p. 239.

тованы полными экипажами по табелям военного времени и находились в состоянии 6-часовой готовности выхода в море.

Неисправимый оптимист Сомервилл поначалу не усмотрел в этом задании особого трагизма. Он искренне считал, что капитуляция Третьей Республики настолько деморализовала французских военных моряков, что они не посмеют оказать никакого сопротивления. Судя по документам “Архива Сомервилла”, опубликованным Обществом военно-морской истории Великобритании в 1995 г., Сомервилл продолжал верить в это вплоть до последнего момента.

В пути Сомервилла догнала радиограмма Адмиралтейства с подробными инструкциями, характеризующими его действия в отношении эскадры Жансуля. Согласно этому документу, английскому адмиралу надлежало в ультимативной форме предложить французскому командующему на выбор четыре варианта. Во-первых, присоединиться к английскому флоту и продолжить участие в войне; во-вторых, увести корабли с неполными экипажами в британские порты, там их разоружить, а экипажи репатриировать во Францию; в-третьих, увести корабли в порты французской Вест-Индии или в США и там их разоружить; в-четвертых, затопить корабли прямо в гавани. В случае невыполнения этих требований в течение шести часов, соединение “Н” должно было “уничтожить корабли в Мерс-эль-Кебире, в особенности “Дюнкерк” и “Страсбург” всеми доступными средствами”²⁹.

Операция “Катапульта” назначалась на 3 июля 1940 г. В тот же день планировалась нейтрализация французских кораблей, находившихся в британских портах и в Александрии.

Прибыв в Гибралтар, Сомервилл поднял свой флаг на линейном крейсере “Худ” и немедленно созвал совещание младших флагманов и командиров кораблей. По окончании совещания адмиралы Д. Норт, Л. Уэллс и командир авианосца “Арк Ройял” С. Холланд заявили энергичный протест. Они не считали, что французские корабли могут попасть в руки немцев и категорически не желали применять против них силу³⁰. Сомервилл отправил в Адмиралтейство радиограмму с предложением смягчить требования к французам. В ответ Адмиралтейство продублировало свои инструкции с припиской, что никакие отступления от них не допускаются.

“Так тому и быть, – записал Сомервилл. – В настоящее время я полагаю, что хотя и существует возможность оказания сопротивления французами, в условиях Орана для них это маловероятно. В худшем случае они сделают несколько символических выстрелов, прежде чем покинут свои корабли”³¹.

Ранним утром 3 июля 1940 г. соединение “Н” появилось у Мерс-эль-Кебира. Его главную ударную силу составляли три линейных корабля, каждый из которых нес по восемь 381 мм орудий главного калибра, и авианосец “Арк Ройял”, имевший на борту 30 торпедоносцев и 24 истребителя. Их сопровождали 2 легких крейсера и 11 эсминцев³². Эсминец “Фоксхаунд” двинулся прямо в гавань, имея на борту командира авианосца “Арк Ройял” капитана 1-го ранга С. Холланда. Ему Сомервилл отвел роль главного переговорщика. Выбор командующего пал на него не случайно. В 1938–1940 гг. Холланд служил военно-морским атташе в Париже. Он свободно владел французским, был общительным человеком и мог говорить очень убедительно. К тому же он лично знал почти всех адмиралов и старших офицеров французского флота, включая адмирала Жансуля.

“Фоксхаунд” бросил якорь с внешней стороны бонового заграждения и известил недавних союзников, что доставил представителя британского флота, уполномоченного вести переговоры с французским командующим. К английскому эсминцу подошел адмиральский катер с флаг-лейтенантом Жансуля Б. Дюфэем. Холланду, уже предвкушав-

²⁹ The Somerville Papers, p. 93–94.

³⁰ Ibid., p. 89.

³¹ Ibid., p. 90.

³² Marder A.J. Op. cit., p. 238.

шему, как старый знакомый радушно сопроводит его на флагманский корабль, французский офицер официально объявил, что командующий не сможет его принять, но готов изучить доставленные им документы и дать на них письменный ответ³³. Жансуль был очень педантичным человеком и, как впоследствии выяснилось, имел строжайший приказ Дарлана не вступать в непосредственные переговоры с англичанами. Таким образом, в самом начале операции тщательно продуманный план Сомервилла дал первый сбой. Вместо беседы с обаятельным Холландом Жансуль прочел жесткий и безапелляционный текст британского ультиматума. Это был важный психологический момент, сработавший не в пользу англичан.

Примерно час спустя на английский эсминец доставили письмо французского командующего, в котором он категорически отклонил британские требования, а на применение силы обещал ответить силой. После этого адмиральский катер еще в течение нескольких часов курсировал между “Дюнкерком” и “Фоксхаундом”, обеспечивая письменный обмен мнениями между Холландом и Жансулем. Пока шли эти странные переговоры, офицеры английского эсминца заметили, что французские корабли поднимают на борт свои шлюпки и катера, матросы расчехляют орудия, а к линкорам подходят буксиры.

Они немедленно сообщили Сомервиллу, что французы готовятся к выходу в море. Тут британский адмирал допустил вторую ошибку. Он решил этому помешать. По его приказу с “Арк Ройяла” поднялись самолеты и в 18.30 начали сбрасывать магнитные мины в фарватер Мерс-эль-Кебира³⁴. Так Сомервилл первым начал военные действия, еще до того, как дело дошло до непосредственных переговоров.

В 14.19 Холланд получил приказ Сомервилла передать французскому командующему поднять на фок-мачте “Дюнкерка” “большой квадратный флаг”, если он согласен выполнить условия английского ультиматума. В противном случае в 15.00 английская эскадра откроет огонь. Холланд не стал спешить с передачей этой информации. Через 10 минут с “Дюнкерка” просигналили, что французский адмирал готов лично принять английского представителя.

В те же часы в Лондоне заседал кабинет министров, регулярно получавший информацию о ходе событий в Оране. Около полудня адмирал Паунд предложил радировать Сомервиллу, чтобы тот согласился на разоружение французских кораблей непосредственно в Оране. Но Черчилль отклонил предложение первого морского лорда на том основании, что оно не предусмотрено в первоначальном тексте английских условий³⁵.

Адмиральский катер доставил Холланда на “Дюнкерк” лишь в 16.15. Если бы английский парламентар имел полномочия довести до Жансуля несостоявшееся предложение первого морского лорда, ситуация разрешилась бы мирным путем. Разоружение французских кораблей непосредственно в Оране – это был как раз тот вариант, на который французский командующий согласился в своем последнем ответе Сомервиллу, составленном в 17.20³⁶.

Через 20 минут после того, как Холланд начал непосредственные переговоры с Жансулем, Сомервилл получил радиограмму из Лондона с требованием “решить проблему незамедлительно”, иначе к французам могут подойти подкрепления³⁷. Солнце уже клонилось к закату, срок ультиматума давно истек, а британский адмирал, понукаемый радиограммами из Уайтхолла, не решался открыть огонь. Уж очень невероятной казалась Сомервиллу сама мысль стрелять в своих вчерашних союзников, с которыми он совсем недавно сопровождал атлантические конвои и охотился за германскими рейдерами. В 17.25 Холланд покинул “Дюнкерк”, еще через 10 минут “Фоксхаунд” вышел из Мерс-эль-Кебира в открытое море.

---

³³ The Somerville Papers, p. 97–98.

³⁴ Ibid., p. 99.

³⁵ Marder A.J. Op. cit., p. 252–253.

³⁶ The Somerville Papers, p. 107.

³⁷ Ibid., p. 101.

Наконец, в 17.54 гром орудий на десятки километров прокатился над африканским берегом: британские линкоры начали обстрел стоявшей в гавани Мерс-эль-Кебира эскадры адмирала Жансуля. Впервые за 125 лет, прошедших со времен битвы при Ватерлоо, англичане и французы нацелили пушки друг на друга.

Флагманский корабль адмирала Жансуля линейный крейсер “Дюнкерк” получил три попадания 381 мм снарядами. Один из них разрушил вторую башню главного калибра и перебил почти всю оружейную прислугу. Два других взорвались во внутренних помещениях, сокрушив котельное отделение и электрогенераторы. На “Дюнкерке” прекратилась подача электроэнергии, вышла из строя система управления огнем главного калибра, начались пожары. В 18.13 “Дюнкерк” сел на дно.

Многочисленные попадания громадных снарядов в “Бретань” вызвали взрыв боезапаса. Объятый черным дымом и пламенем с носа до кормы, французский линкор с грохотом опрокинулся вверх килем, похоронив в своей стальной утробе больше тысячи матросов и офицеров. Несколько минут спустя сел на дно подбитый “Прованс”. Взрывом 850 кг снаряда эсминцу “Могодор” оторвало корму, но он чудом остался на плаву, медленно дрейфуя по акватории. Обстрел продолжался 15 минут. В 18.10 Сомервилл приказал прекратить огонь. За это время двадцать четыре 381 мм орудия трех английских линкоров сделали в общей сложности 36 залпов³⁸. Ускользнуть удалось только “Страсбургу”. За тучами черного дыма от горящих кораблей и портовых сооружений он незаметно прошел вдоль самого берега и вырвался в открытое море. В 20.20 Сомервилл остановил преследование, осознав, что за “Страсбургом” ему не угнаться.

Вторая по величине французская эскадра под командованием адмирала Р. Годфруа базировалась в Александрии вместе с британским Средиземноморским флотом, которым командовал адмирал Э. Каннингхэм. Она состояла из линкора “Лорэйн”, 3 тяжелых крейсеров, 1 легкого крейсера, 3 эсминцев и 1 подводной лодки. Британское соединение намного превосходило французов по своей мощи: 4 линкора, 1 авианосец, 7 крейсеров, 24 эсминца и 12 подводных лодок³⁹. С начала войны союзники проводили совместные операции в восточной части Средиземного моря.

После капитуляции Франции эскадра адмирала Годфруа в Александрии превратилась для Каннингхэма в громадную обузу. Он не мог вывести свой флот на боевые операции, оставив позади себя в гавани полностью боеготовое соединение французского флота. Британский адмирал не без основания полагал, что едва его корабли исчезнут из вида, Годфруа уведет свою эскадру в Бейрут или даже во Францию, где она может попасть в руки немцев или итальянцев. 30 июня 1940 г. Каннингхэм получил радиogramму из Адмиралтейства, извещавшую о желательности захвата французских кораблей в Александрии одновременно с операцией в Ороне, которая должна начаться утром 3 июля. Адмиралтейство также запросило командующего британским флотом “изложить свою точку зрения на лучший способ достижения этой цели с минимальным риском кровопролития и возможности применения оружия французами”⁴⁰.

“Для меня идея была абсолютно неприемлемой, – писал впоследствии Каннингхэм. – Офицеры и матросы на французских кораблях были нашими друзьями. Со многими из них у нас сложились добросердечные отношения, поскольку мы сражались плечом к плечу. Более того, вице-адмирал Годфруа являлся человеком чести, которому мы могли полностью доверять. Неожиданно и без предупреждения атаковать и захватить его корабли, в результате чего среди матросов наверняка были бы большие потери, казалось мне не только актом чистейшего вероломства, но и совершенно излишним”⁴¹.

Каннингхэм понимал, что если французским экипажам станет известно о готовящемся насильственном захвате их кораблей, это может привести к ожесточенному

³⁸ Ibid., p. 102.

³⁹ Marder A.J. Op. cit., p. 211–212.

⁴⁰ The Cunningham Papers, p. 88.

⁴¹ Cunningham A.B. Op. cit., p. 244.

сопротивлению с их стороны и настоящему сражению между двумя эскадрами прямо на внутреннем рейде Александрии. Такой бой мог иметь своими последствиями большое кровопролитие и затопление кораблей “в самых нежелательных местах”. Для английского командующего было ясно, что в Александрии проблема могла решаться только путем переговоров. Свою точку зрения он подробно обосновал в ответной радиограмме Адмиралтейству, отправленной 30 июня 1940 г.⁴² На следующий день из Лондона пришел ответ, который, по оценке Каннингхэма, “уже в большей степени соотносился с реальной ситуацией”⁴³. Командующий флотом получил “добро” на ведение переговоров.

Лучшим вариантом британское высшее морское командование считало включение французских кораблей в состав английского флота и использование их в боевых операциях. Каннингхэма уполномочили сообщить, что всем представителям личного состава, которые пожелают продолжить службу, будут выплачиваться жалование и предоставляться такие же льготы, как и английским морякам. Остальные подлежали репатриации на родину. Если такая возможность окажется неосуществимой, французскому адмиралу предлагались на выбор два варианта. Первый: корабли останутся в Александрии с неполными экипажами, но будут немедленно приведены в состояние негодности к боевым действиям. С условием, что англичане смогут их использовать в том случае, если немцы или итальянцы нарушат договор о перемирии. Правительство Великобритании брало на себя ответственность за выплату жалования экипажам и содержание кораблей. Второй: корабли должны быть выведены в море и потоплены на большой глубине⁴⁴.

Каннингхэм получил указание ознакомить французского адмирала с означенными условиями в 7.00 утра 3 июля 1940 г., особо подчеркнув при этом желательность видеть его корабли сражающимися против держав фашистского блока. Время было выбрано не случайно: примерно в тот же час планировалось начать операцию против эскадры адмирала Жансуля. Поскольку Каннингхэм получал все радиограммы, адресованные Адмиралтейством Сомервиллу, он был хорошо осведомлен о содержании всех переговоров и ходе событий в Ороне. За день до операции Каннингхэм ознакомил с ее планом всех младших флагманов и командиров кораблей, а также провел необходимые приготовления для захвата французских судов на тот случай, если правительство в Лондоне будет на этом настаивать. Французскому адмиралу передали приглашение прибыть на борт флагманского линкора “Уорспайт” в 7.00 утра на следующий день.

Неурочный час для начала переговоров заставил французского командующего заподозрить неладное. Годфруа прибыл точно в назначенное время в сопровождении своего начальника штаба и был встречен почетным караулом морской пехоты с оркестром. Каннингхэм принял его в присутствии тех офицеров, кому обычно положено участвовать в подобных встречах. Переговоры прошли в дружественной, но полностью официальной обстановке. Говорили по-английски, если возникало недопонимание, капитан 3-го ранга Р. Дик переводил на французский. Годфруа пытался держаться дружелюбно и непосредственно, но от его собеседников не укрылось большое внутреннее напряжение. Годфруа наотрез отказался передать свою эскадру в распоряжение британского правительства – его корабли не могут сражаться ни под каким другим флагом, кроме французского. В любом случае, ему потребуется время для консультаций с правительством. Каннингхэм настоятельно порекомендовал своему *vis-à-vis* информировать об этом предложении французские экипажи с тем, чтобы они имели свободу выбора. Каннингхэм пригрозил, что в противном случае обратится к французским морякам непосредственно, “через голову” их адмирала⁴⁵.

⁴² The Cunningham Papers, p. 89.

⁴³ *Cunningham A.B.* Op. cit., p. 246.

⁴⁴ The Cunningham Papers, p. 89–90.

⁴⁵ *Cunningham A.B.* Op. cit., p. 146–147.

Когда Каннингхэм перешел ко второму варианту – консервации французских кораблей в Александрии в небоеспособном состоянии, лицо французского адмирала “определенно просветлело”. Годфруа сказал, что он, пожалуй, примет это предложение. Правда, ему потребуется немного времени на обдумывание. К возможности затопления своей эскадры в открытом море французский командующий отнесся “без восторга”. Британский адмирал постарался укрепить решимость своего французского коллеги в принятии второй альтернативы, подчеркнув, что тем самым он сохранит корабли для Франции после окончания войны. Если же итальянцы и немцы нарушат перемирие, то боеспособность эскадры можно будет быстро восстановить и возобновить ее участие в военных действиях. На этом переговоры расстались.

Таким образом, в Александрии ситуация поначалу развивалась в желаемом для англичан направлении. Дипломатический такт и терпение, проявленные Каннингхэмом, вызвали уважение офицеров его штаба. Британцы были уверены, что Годфруа станет действовать соответственно второму варианту. Английский командующий поспешил известить об этом Адмиралтейство. Однако в полдень 3 июля 1940 г. Каннингхэму принесли пространное письмо Годфруа, написанное по-французски. После многословных разъяснений своего понимания воинского долга, французский адмирал объявил, что он решил затопить свою эскадру в открытом море и просил дать ему 48 часов на подготовку эвакуации экипажей⁴⁶.

Каннингхэм направил французскому адмиралу письмо личного характера, в котором убеждал его отказаться от опрометчивых действий. В 17.30 английский командующий получил известие, что на французских кораблях начали сливать топливо и свинчивать боеголовки с торпед. Полчаса спустя пришла радиограмма, что эскадра Сомервилла открыла огонь по французскому флоту в Мерс-эль-Кебире. В 20.15 поступило сообщение из Лондона: “Адмиралтейство в курсе, что на французских кораблях сливают топливо. Сокращение экипажей, особенно старшинского состава, должно начаться немедленно посредством высадки их на берег или перегрузки на транспорты, и завершиться до наступления темноты. Возражения не принимаются”⁴⁷.

Эта приписка заставила Каннингхэма “скрипеть зубами от ярости”. В Уайтхолле явно были недовольны слишком медленным развитием событий и не отдавали себе отчета в том, насколько напряженная и взрывоопасная ситуация царит в александрийской гавани. Каннингхэм немедленно собрал флагманов на борту “Уорспайта” и ознакомил их с последними новостями из Лондона и Орана. Он также сообщил им, что намерен принять, по его мнению, единственно правильное на тот момент решение – игнорировать приказ из Лондона⁴⁸.

Ночью Годфруа получил информацию о трагедии в Мерс-эль-Кебире. Он прекратил слив топлива и приказал экипажам оставаться на кораблях. Начальник штаба британской эскадры А. Уиллис отправился на французский флагман, чтобы урезонить Годфруа. Ни уговоры, ни угрозы применения силы не произвели на французского адмирала должного впечатления. Прослышав об ультиматуме, предъявленном французскому флоту в Ороне, и получив приказ своего командования выйти в море любой ценой, применив силу, если потребуется, он теперь наотрез отказывался продолжать слив топлива и отпустить матросов со своих кораблей. Теперь Годфруа уже не собирался выходить в море для добровольного затопления своих кораблей на глубокой воде. Он кричал, что если ему не позволят выйти из бухты, он станет пробиваться силой, хотя прекрасно понимал, что это приведет к сражению. Он дошел до того, что угрожал затопить свои корабли прямо в гавани, если к ним попробуют применить силу, заверяя, что сделает это максимально удобным для анг-

⁴⁶ The Cunningham Papers, p. 92–93.

⁴⁷ Адмирал до конца жизни сохранил убеждение, что автором этой приписки являлся лично У. Черчилль. – Ibid., p. 93.

⁴⁸ *Cunningham A.B. Op. cit.*, p. 250–251.

личан способом. Годфруа был на грани истерики и едва ли контролировал слова и поступки⁴⁹.

На рассвете Каннингхэму доложили, что на французских кораблях расчехляют орудия и разводят пары. Эскадра Годфруа готовилась с боем прорываться в открытое море. Это был самый напряженный момент кризиса. Буксиры уже начали разворачивать стоявшие на якорях британские линкоры так, чтобы они могли вести стрельбу по французским кораблям всем бортом. Эсминцы и подводные лодки получили приказ выпустить торпеды во французские суда, если те начнут двигаться к выходу из гавани или откроют огонь.

Однако, несмотря на нервное напряжение предшествующего дня и две бессонные ночи, английский командующий не потерял способности действовать хладнокровно и расчетливо. Он знал, что пройдет 6–8 часов, прежде чем французские корабли разведут пары и смогут тронуться с места. По поручению Каннингхэма, его флаг-офицер Р. Дик составил текст обращения ко всем французским офицерам и матросам, в котором заклинал их воздержаться от безрассудного кровопролития и сообщал условия сдачи, предложенные английским правительством. Текст обращения несколько раз передали семафором всем французским кораблям. Каждому английскому кораблю Каннингхэм поручил “шефство” над соответствующим французским кораблем с тем, чтобы его командир и офицеры убедили бывших союзников принять разумное решение.

На рейде Александрии засновали катера и шлюпки. На палубы и мостики французских кораблей высыпали люди. Там начались митинги. Около полудня Каннингхэм, стоявший на мостике “Уорспайта”, увидел, что командиры кораблей французской эскадры собираются на борту их флагманского крейсера. Примерно час спустя английского командующего известили, что Годфруа желает с ним встретиться. Каннингхэм тут же согласился его принять. Годфруа, бледный, звенящим от нервного напряжения голосом сообщил, что он вынужден подчиниться превосходящей силе. После этого адмиралы без проблем договорились о порядке слива топлива с французских кораблей, выгрузке боезапаса и списании экипажей на берег.

“Никогда в своей жизни, – писал Каннингхэм, – я не испытывал такого всепоглощающего чувства благодарности и облегчения, как при заключении этого соглашения, и то же чувство испытывал каждый офицер и матрос нашего флота. Мы всей душой стремились избежать любого конфликта с нашими союзниками. Большую роль в предотвращении неоправданного сыграла наша командиры кораблей, побывавшие на французских судах”⁵⁰.

Вечером 4 июля 1940 г., когда стало ясно, что проблема французской эскадры в Александрии пришла к благополучному завершению, Каннингхэм получил персональную радиограмму от морского министра и первого морского лорда: “После напряженной и чреватой самыми непредсказуемыми последствиями ситуации, ваши переговоры увенчались полным успехом. Мы шлем вам самые искренние поздравления. Премьер-министр также желает, чтобы мы передали вам его поздравления”⁵¹.

3–4 июля 1940 г. Каннингхэм в Александрии добился блестящего дипломатического успеха: были сохранены жизни тысяч моряков и военные корабли. Адмирал пользовался непререкаемым авторитетом у офицеров британского Средиземноморского флота, его качества решительного и опытного военачальника ни у кого не вызывали сомнений. Но проявленные Каннингхэмом такт, терпение и дипломатический талант стали для его подчиненных полнейшим сюрпризом. “Моральные качества и широта взглядов, проявленные Каннингхэмом в тот момент, – писал Дик, – впервые позволили нам осознать, что он обладает качествами истинного величия. Конечно, мы знали его как прекрасного военачальника, но он так мастерски решил французскую проблему, что остается только сомневаться, кто еще на его месте смог бы проявить такую выдержку и изобретатель-

⁴⁹ Ibid., p. 251.

⁵⁰ Ibid., p. 254.

⁵¹ Ibid., p. 255.

ность ума, не говоря уже о моральном мужестве проигнорировать приказ свыше. Это было воистину по-нельсоновски”⁵².

Совсем иной резонанс имели события в Оране. По Франции прокатилась волна возмущения, когда 7 июля 1940 г. правительство Виши официально обнародовало список жертв этого побоища: 1297 офицеров и матросов, убитых и пропавших без вести, 351 раненых⁵³. Только на “Бретани” погибли 1012 человек. Особенно негодовали военные моряки. Поверенный в делах США при правительстве Виши Р. Мэрфи вспоминал, как “французские морские офицеры горько жаловались мне, что англичане всегда с подозрением относились к французскому военному флоту, всегда искали случая ослабить его на международных конференциях, и теперь использовали момент, когда Франция была разбита гитлеровской Германией, чтобы уничтожить большую часть беззащитного французского флота”⁵⁴.

Свою часть моральной ответственности пришлось нести и Сомервиллу, получившему в июле 1940 г. письмо от 30 офицеров “Дюнкерка”: “Команда и офицеры “Дюнкерка” извещают вас о гибели за честь флага 3 и 6 июля⁵⁵ 9 офицеров и 200 матросов нашего корабля. Они полностью доверяли своим товарищам по оружию на Британском Королевском Флоте. И по такому случаю мы выражаем глубокую печаль и презрение этим товарищам, которые не остановились перед тем, чтобы запятнать убийством славный флаг Святого Георгия”⁵⁶.

События в Оране имели серьезные последствия для движения “Свободная Франция”, возглавляемого генералом де Голлем; он вспоминал: “По нашим надеждам был нанесен страшный удар. Последствия его сразу же сказались на вербовке добровольцев. Многие военные и гражданские лица, собиравшиеся к нам присоединиться, отказались от этого намерения. Кроме того, отношение к нам властей во Французской империи, а также отношение сухопутных и морских сил в большинстве случаев изменилось: от колебаний они постепенно перешли к осуждению. Конечно, правительство Виши не упустило случая максимально использовать этот инцидент в своих интересах”⁵⁷. Германский генерал К. Типпельскирх не без основания утверждал, что при разумной пропагандистской политике Германия могла бы извлечь из этих событий громадную пользу⁵⁸.

Таким образом, дипломатический успех Каннингхэма в Александрии выставил в совершенно противоположном свете, с моральной и политической точки зрения, позицию Черчилля, который буквально заставил Сомервилла расстрелять французские корабли в Мерс-эль-Кебире. В силу этих же причин адмирал оказался “нежелательным свидетелем” для последующих апологетов “британского льва”. Участник этих событий Дик впоследствии утверждал, что “Уинстон никогда не простил Каннингхэму Александрию”. Каннингхэм до конца жизни остался убежден в своей правоте. Пять лет спустя после окончания Второй мировой войны он писал: “90% старших морских офицеров, включая меня, считали и продолжают считать Оран страшной ошибкой”⁵⁹.

Каково же в таком случае было отношение Черчилля к этим событиям? Генерал Г. Исмей писал в мемуарах: “Пинать лежачего во все времена считалось весьма неприглядным занятием, но когда он еще и друг, который уже серьезно пострадал, то это граничило с бесчестьем. Для Черчилля с его глубокой любовью к Франции это, должно быть, был очень болезненный момент. Но он не дрогнул”⁶⁰. Однако слова и дела британского премьера в июльские дни 1940 г. заставляют усомниться в такой оценке.

⁵² *Winton J.* Op. cit., p. 89.

⁵³ *Marder A.J.* Op. cit., p. 275.

⁵⁴ *Murphy R.* *Diplomat among Warriors.* London, 1964, p. 78.

⁵⁵ 6 июля 1940 г. по подбитому “Дюнкерку” нанесла удар английская морская авиация.

⁵⁶ *The Somerville Papers*, p. 111.

⁵⁷ *Голль Ш. де.* Указ. соч., т. 1, с. 112.

⁵⁸ *Типпельскирх К.* *История Второй мировой войны.* СПб., 1999, с. 159.

⁵⁹ *Ollard R.* Op. cit., p. 93–94.

⁶⁰ *Ismay H.* *The Memoirs of General the Lord Ismay.* London, 1960, p. 149.

В полдень 4 июля 1940 г. Черчилль поднялся на трибуну палаты общин, чтобы разъяснить британским парламентариям суть событий предшествующего дня. Речь он начал с “искреннего сожаления” о мерах, предпринятых 3 июля с тем, чтобы предотвратить передачу французского флота в руки немцев. Далее он перешел к критике бывшего союзника: “От французского правительства, которое вышло из борьбы, переложив всю ее тяжесть на плечи Великобритании и Британской империи, мы могли ожидать, как минимум, стремления избежать причинения вреда без необходимости своему преданному другу, от конечной победы которого зависит, в том числе, свобода французов”. Затем он бегло осветил события в Портсмуте, Плимуте и Александрии, и обратился к “самой серьезной части истории” – “прискорбному бою в Мерс-эль-Кебире”. Вкратце обрисовав ситуацию, Черчилль воздал должное французам, чьи “корабли, хотя и по непонятной причине, сражались с присущей французскому флоту храбростью, поскольку адмирал Жансуль и его офицеры чувствовали себя обязательными выполнять приказы своего правительства, не разглядев за его спиной германский диктат”. Начав речь в печальной, почти траурной тональности, британский премьер завершил ее с большим душевным подъемом: “Действия, которые мы предприняли, будут сами по себе достаточны, чтобы опровергнуть любую ложь и слухи... будто мы имели хоть малейшее намерение вступить в переговоры с правительствами Германии и Италии. Напротив, мы будем вести войну со всей энергией и всеми доступными нам средствами до тех пор, пока цели, ради которых мы в нее вступили, не будут достигнуты”⁶¹.

Как вспоминал впоследствии Черчилль, парламентарии выслушали его “в гробовом молчании”. Однако парламентский корреспондент “Таймс” Дж. Колвилл, присутствовавший в тот день на заседании, вынес оттуда несколько иные впечатления. В написанном им предисловии к книге У. Тьюта “Смертельный удар” он отмечал, что речь премьер-министра соответствовала высокому пафосу античной греческой трагедии и была одной из самых запоминающихся в истории парламента. На протяжении выступления его не менее двадцати раз прерывали одобрительными выкриками, а когда он закончил, все присутствовавшие депутаты и гости на галереях в едином порыве поднялись с мест и еще две или три минуты аплодировали. Когда Черчилль сел на место, слезы катились по его щекам. Сидевшему по соседству Г. Белиша он сказал: “У меня сердце разрывается”⁶².

Таким образом, операция по “нейтрализации” французского флота с самого начала имела более политический, чем военный характер. Главная ее цель заключалась в том, чтобы произвести внешнеполитическое впечатление. Для этого потребовался самый жесткий сценарий, который был реализован в Орне. Продолжая метафору Колвилла, можно утверждать, что именно Черчилль выступил режиссером этой “греческой трагедии”, сыграл в ней главную роль и сам себе в этой роли очень понравился. Судя по реакции парламентариев, ему удалось убедить свой народ в том, что предпринятые меры отвечали целям безопасности Великобритании, и что он решительно намерен продолжать войну против Германии и ее сателлитов.

За пределами Англии события в Орне самое большое впечатление, по всей видимости, произвели на нацистского диктатора Гитлера. Й. Фест, один из биографов Гитлера, писал: “3 июля, когда Гитлер еще ждет знака о смягчении позиции, Черчилль в качестве доказательства своей непримиримости отдает своему флоту приказ открыть огонь по своему вчерашнему союзнику – военному флоту Франции, находившемуся в гавани Орна. Удивленный и разочарованный, Гитлер переносит свое объявленное на 8 июля выступление в рейхстаге на неопределенное время. Охваченный победной эйфорией, он твердо полагал, что англичане прекратят бесперспективную борьбу, тем более, что он, как и раньше, не собирался покушаться на их мировую империю. Но Черчилль

⁶¹ Hanserd Parliamentary Debates. House of Commons, 1940, v. 362. London, 1940, с. 1043–1051.

⁶² Tute W. The Deadly Stroke. London, 1973, p. 17.

своим демонстративным жестом вновь дает понять, что никаких попыток сторговаться не будет”⁶³.

Что касается возможности включения французских кораблей в состав германского флота и использования их в боевых действиях против стран антигитлеровской коалиции, то этот вопрос остается открытым. Если судить по известным на сегодняшний день документам, то такая проблема в британском Адмиралтействе даже не изучалась. Историк А.Дж. Мардер категорически отрицал такую вероятность. Он считал, что ни один находившийся в здравом уме немецкий политик или адмирал не мог требовать включения в состав германского флота французских кораблей вместе с их экипажами. В этом случае немцы не могли бы на них положиться. Для того, чтобы укомплектовать четвертый в мире флот своими экипажами, потребовались бы немедленно десятки тысяч обученных матросов, офицеров и старшин. Такого резерва в Германии просто не было. К тому же адаптация иностранных кораблей, где все приборы имели надписи на незнакомом языке, потребовала бы слишком много времени⁶⁴.

На это можно возразить, что немцам вовсе необязательно было укомплектовывать своими моряками весь французский флот. Они могли бы выбрать наиболее ценные корабли. Их адаптация заняла бы не более 3–4 месяцев. В любом случае, приспособить готовый корабль гораздо быстрее, чем построить новый, а с надписями специалисты уж как-нибудь разобрались бы. Но рассуждать на эту тему можно только в предположительном плане.

---

⁶³ *Фест Й.* Указ. соч., т. 3, с. 222.

⁶⁴ *Marder A.J.* Op. cit., p. 286–287.